
ФИЛОСОФИЯ

УДК 123

М.В. Тимашова*Донской государственный технический университет**Ростов-на-Дону, Россия**s.nevada1525@yahoo.com***«ИЗНАНКА» СВОБОДЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ****[*Timashova M.* The “Underside” of freedom in the modern world]**

The analysis of the philosophical thought concerning the problem of the controversial nature of freedom reveals that throughout history freedom has always been described through oppositions, in which its positive traits has been connected with its drawbacks. It is stated that freedom plays not only constructive, but also destructive role in the social world. According to the text the destructive component is undoubtedly secondary to the constructive one. But it does exist and due to the accelerating dynamics of innovations it becomes quite tangible. The possibilities of freedom to act as a factor of social and economic inequality, of its capacity to become the most important condition of approval of the system of technological dominance and economic superiority of the “Golden Billion” countries in process of contemporary globalization are disclosed.

Key words: freedom, contradictions of freedom, innovation, globalization, technological revolution, neo-colonialism, compulsion.

Современный человек с западной ментальностью воспринимает свободу как огромную ценность. Он рассматривает ее в качестве условия благополучия и счастья, признака цивилизованности, предпосылки прогресса. Однако носитель, по выражению М. Хайдеггера, «осмысляющего» мышления неизбежно начинает задавать неожиданные вопросы, подвергать сомнению привычные утверждения, находить контраргументы. Он отказывается от идеализации любых социальных явлений, в том числе свободы. Пытается понять не только в чем польза этих явлений и свободы, в частности, но и какие опасности с ними связаны, какие они дают преимущества и что разрушают.

С позиций такого мышления осуществил свое исследование феномена свободы С. Нириг. Он поставил вопрос о чрезмерности ожиданий возможности свободы решить все проблемы еще в 60-х годах XX в., когда о свободе можно было говорить только «хорошо или ничего». Он заявил о необходимо-

сти разрушения культа свободы, о том, что она может не только обещать, но и угрожать. Новый и неожиданный подход к теме позволил аналитику выделить такие виды свободы, которые обычно игнорирует традиционное либеральное сознание. Это, например, свобода хозяина эксплуатировать подчиненных, свобода завоевателя наслаждаться чужим богатством. К таким видам относятся также свобода расширения капиталистической экономики за счет присоединения чужих территорий в ходе колонизации, свобода расточительства. С. Нириг отмечал, что свобода эксплуатации способна канонизировать несправедливость, наказывать тружеников [6].

Сегодня у нас уже есть достаточно данных, чтобы утверждать, что свобода является феноменом, не только наполненным внутренними противоречиями, но и находящимся в противоречивых отношениях с миром. Свобода выступает не только в качестве конструктивного компонента социальной реальности. Она обладает деструктивными возможностями, способна становиться мощным фактором социального расслоения.

Свобода разрушительна, в сущности. Это обусловлено тем, что свобода, в конечном счете, вырастает из способности индивидуального или коллективного субъекта выходить за пределы наличной данности, раздвигать ставший узким мир, пренебрегать старым ради нового. Субъект оказывается вынужденным преодолевать сопротивление среды, с одной стороны, с другой, – утверждать желанное. Следствием становится разрушение былых социальных практик, привычных наборов предпочтений или характеристик материального окружения, того, что теперь воспринимается в качестве устаревшего и т.п.

В истории западного общества, примерно с Нового времени, имело место именно такого рода преодоление и осуществлялась смена наличных форм существования новыми (одной социальной реальности на другую). Возникновение свободного субъекта на Западе сопровождалось разрушением традиционного и становления индустриального, а теперь уже постиндустриального мира. И этот процесс носил чрезвычайно болезненный, в полной мере трагичный характер.

В настоящее время развитые общества Запады пытаются осуществить экспорт свободы в страны третьего мира. Этот субъективный пласт глобализации надстраивается над объективным процессом расширения капиталистической экономики. Но все дело в том, что эти процессы сотрясают традици-

онное общество. Они испытывают его на прочность, на способность адаптироваться к мощным воздействиям извне. Ощущение, что привычный мир рушится, охватывает широкие массы населения земного шара, рождает состояние тревоги, вызывающее неприятие, провоцирующее акты сопротивления.

Свобода, иначе говоря, установка на инновацию, является важным фактором общественных перемен. Эти перемены изменяют облик западного общества радикально. Однако именно в ходе этих перемен свобода раскрывает и конструктивные, и разрушительные возможности. Речь уже идет не о деструкции традиционных социальных структур и ценностей, но о том, что каждая инновация – это не только шаг вперед. Каждая инновация является одновременно отказом от старого, она есть переход в новую реальность, преодоление прежних границ, вступление в область неведомого и непривычного. Инновация меняет что-то из того, что было ранее – в объекте или в среде – и, по сути, осуществляет деструкцию. Безусловно, разрушительный компонент вторичен по отношению к созидательному. Но он присутствует, а в условиях ускоряющейся динамики инноваций становится весьма ощутимым.

Динамика стремительных изменений выбрасывает индивида из привычного и конформного бытия, способствует росту неопределенности и в мире, и в частной жизни. Неопределенность сегодняшнего дня «существует без наличия какого-либо угрожающего исторического катаклизма, эта неопределенность как бы вплетена в повседневную деятельность энергичного капитализма. Нестабильность ныне воспринимается как норма... Возможно, коррозия характера – это неизбежное следствие этой нестабильности. Девиз “Ничего долгосрочного!” дезориентирует действия, рассчитанные на длительный период, ослабляет связи доверия и причастности и отлучает волю от поведения» [8, с. 32].

Эскалация неопределенности ведет к расширенному воспроизводству риска. В современном обществе риск становится перманентным, приобретает всепроникающий характер. А такие характеристики социальных изменений, как: 1) неожиданность и быстрота, 2) радикальность, всесторонность и глубина, 3) их внешний характер и их восприятие как того, что неподвластно нашему влиянию, 4) шокирующий и отталкивающий характер, вызывают эффект культурной травмы – феномена, впервые описанного П. Штомпкой [12, с. 8]. Такая травма проявляется в виде «культурного шока», апатии, душевного разлада, расширения сферы девиантного поведения.

Влияние рассматриваемого эффекта испытывают на себе ценностно-нормативные и когнитивные комплексы общественного сознания. Они могут меняться, но сохранять в коллективной памяти травматические переживания в течение очень длительного периода. Чем больше нынешнее состояние социальной среды отрывается от прошлого и чем радикальнее идут перемены, тем культурная травма становится сильнее.

Ярким проявлением разрушения традиционного механизма общественно-го воспроизводства становится видоизменение и распад традиционных форм семьи и брака и демографический кризис, охватившие западный мир и нашу страну в том числе. Эти явления в значительной мере проблематизируют процесс воспроизводства современного общества. Ведь устойчивость семейных отношений является важным условием социальной стабильности. Однако в ориентированном на бесконечную инновацию обществе, в котором автономный индивид становится важнейшим фактором перемен, эта устойчивость подвергается отрицанию в целом.

Рыночная экономика нуждается в свободном индивиде. Но «функциями» свободы, которые сегодняшний рынок выдвигает на первый план, является обеспечение индивидуальной мобильности и автономии. При этом последняя предполагает не только способность индивида определять стратегию собственной жизни, но и снижение значимости тех связей, которые могут эту автономию ограничить. Данные исследований говорят о том, что современный человек в число этих связей начинает включать и отношения в семье.

Поэтому появляются семьи, изначально ориентированные на временное существование или на партнерские отношения, сохраняющие почти полную автономию супругов (например, гостевой брак). Семья перестает быть целостностью. Родители все меньше стремятся выработать единую позицию, а дети считают естественным поддерживать какого-то одного из родителей или выработать свою собственную точку зрения. Молодые люди откладывают период вступления в брак на более поздний срок. Соответствующим образом отодвигается и время готовности к рождению и воспитанию детей.

В традиционном мире муж является главой, потому, что он добытчик и от него зависит благополучие семьи. Жена занимается домом и детьми и чувствует себя «за мужем» как за «каменной стеной». Дети с малых лет вовлекаются в семейное дело. В современном свободном мире подобные отношения

начинают казаться почти невыносимыми. Поэтому нужда в традиционной семье ставится под вопрос. Работающая женщина теперь уже способна оговаривать с мужем сроки ухода с работы и муж не может этому препятствовать, потому что его жена обрела экономическую независимость. Изобретение методов контрацепции позволяет планировать рождение детей, а необходимость их социализовать и дать образование, избегая большого давления на семейный бюджет, практически, заставляет семью осуществить подобное планирование.

Теперь семьи считают необходимым ограничивать количество детей. Более того: формируется специфическая «культура бездетности», ориентированная на заключение браков без детей. Растет число разводов и снижается количество повторных браков. Появляется все большее число экономически успешных женщин и мужчин, не считающих нужным вступать в брак вообще. Ослабляются внутрисемейные межпоколенные связи [1; 2].

В ходе исследования феномена современной глобализации мы приходим к необходимости осмысления еще одной опасной особенности свободы – ее способности выступать в качестве инструмента социального расслоения и сосредоточения ресурсов на одной стороне общества (или мирового сообщества) в ущерб другой.

Социальная философия и социология понимают под современной глобализацией процесс, в ходе которого весь хозяйственный организм планеты включается в единую общемировую капиталистическую систему, и который является продуктом транснационального функционирования экономики и информации. Исследователи преимущественно склоняются к признанию объективности глобализации; считают, что она, в сущности, означает «победу капитала и информационной свободы над национальными интересами, в особенности незападных стран, создание транснациональных систем» [4; 5; 7; 9; 10; 11, с. 254].

В специальной литературе отмечается, что основой современной глобализации является технологическая революция, а также принципы свободного продвижения товаров и капитала. Этими принципами, в первую очередь, руководствуются наиболее развитые страны Запада. Они «бросают вызов» миру, который оказывается в ситуации вынужденности реагировать на существование Запада посредством изменений и ускорения в развитии. Однако мы обращаем внимание на то, что наличие фактора вынужденности делает

глобализацию, в определенном смысле, навязанным процессом. Ее навязанный характер обуславливается еще и отражением ею интересов далеко не всех стран и регионов земного шара. В основе глобализации лежат установки к развитию, прежде всего, транснационального капитала, рожденного, западной экономикой. Он-то и получает от глобализации основную выгоду.

Проблема для периферии мировой системы заключается не только в том, что Запад предлагает ей ответить на свои вызовы и тем самым ставит ее в навязанные условия. Проблема состоит еще и в неравновесности экономик центра и периферии, что позволяет центру доминировать и подчинять периферию, создавая специфическую модель неокOLONиализма.

Суть работы этой модели заключается в консервации относительной отсталости периферийной страны при оказании видимой помощи ей. Такая помощь заключается, прежде всего, в форме займов, выдаваемых МВФ, Всемирным банком и крупными кредитными организациями. Но для того, чтобы быть в состоянии выплачивать проценты по этим займам, страна должна наращивать экспорт. Здесь и возникают осложнения, связанные с возможностью ею экспортировать только то, что нужно самому Западу – как правило, это дары природы, выращиваемые на земле или извлекаемые из ее недр: овощи, фрукты, сырье. Способность страны развивать собственное производство снижается до минимума.

Есть еще один способ создания препятствий развитию национальной промышленности – открытие западными фирмами-производителями на территории страны филиалов и своих представительств с полным производственным циклом, основанным на защищенных патентами и лицензиями технологиях. Так компании получают возможность внедриться в национальный рынок. А поскольку их продукция обладает лучшим качеством, чем местные аналоги, и является более дешевой, у них появляется возможность устранить внутренних конкурентов. Для иностранных производителей положение облегчается тем, что данное государство не может создать конкурентные производства не имея доступа к технологиям, защищенным международным правом и целой системой договоров и соглашений.

Государство, таким образом, попадает в скрытую зависимость, ибо начинает бояться ухода из страны всех фирм или одной из них – с ним будет связано сокращение рабочих мест, возникновение дефицита необходимых това-

ров на локальном рынке, закрытие хоть каких-то перспектив модернизации экономики. Создаются возможности для шантажа данного государства, суть которого – в навязывании ему необходимых решений.

Г.Ю. Волков пишет: «Угроза сокращения поставок необходимых компонентов, отзыв специалистов, и даже полная остановка производственного процесса используются в качестве действенного экономического рычага, предопределяющего действия в заданном направлении и принятие или лоббирование на национальном уровне необходимых решений... Постоянное использование импортных технологий, покупка и экспорт технологических процессов поступательно снижает уровень национальной науки, нивелирует саму объективную необходимость собственных, затратных как во временном, так и в физически-финансовом плане, необходимых разработок» [3].

Неоколониализм – это та сторона глобализации, которая связана с эксплуатацией группой стран и транснациональными компаниями всего остального мира. Что касается глобализации, то она превращается в форму легитимации процесса деления мира на страны «золотого миллиарда» и всех остальных. Она становится способом придания естественности мировому порядку такого рода.

«Информационно-технологический» неоколониализм приходит на смену колонизации, построенной на силе и на ограничениях свободы. Он блокирует любые стремления отсталых стран развивать национальную промышленность и строить независимую экономику, способствует архаизации национального производства, связывает страну нитями финансовой зависимости. Принципиальная особенность новых попыток колонизации периферии заключается в отказе от стратегий внешнего подавления и установления преград для свободы. Напротив, делается все для расширения сферы свободы и продвижения ее во все уголки мирового социального пространства. Свобода открывает национально-государственные границы для финансовых и информационных потоков и становится важнейшим условием утверждения системы технологического доминирования и экономического господства стран «золотого миллиарда» по отношению к периферии мировой системы.

Поэтому сегодня мы можем констатировать, что свобода – это не только способность людей и общества раздвинуть пределы деятельности. Она является еще и характеристикой социальной среды, разделяющей общество на классы и группы, элиты и массы, богатых и бедных. Свобода вполне может

стать инструментом социального неравенства. Она позволяет индивидуальным или коллективным субъектам овладеть преференциями или создать их, оставив без преимуществ и ресурсов всех остальных.

В результате оказывается, что свобода одних сочетается с несвободой других, формальная свобода выступает в качестве внешнего прикрытия реальной зависимости, всеобщность принципа свободы подменяется частичным характером его осуществления. Складывается парадоксальная ситуация реализации свободы через принуждение. Таковы особенности современной свободы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Антонов А.И., Сорокин С.А.* Судьба семьи в России XXI века. М., 2000.
2. *Баранов А.Б.* Социально-экономические проблемы депопуляции и старения населения // Вопросы экономики. 2010. № 7.
3. *Волков Г.Ю.* Современный экономический неокOLONИализм в условиях глобализации // http://www.rusnauka.com/17_AVSN_2012/Economics/16_112478.doc.htm (обращение к сайту 20 ноября 2015 г.).
4. *Иноземцев В.Л.* Глобализация: иллюзии и реальность // Свободная мысль. 2000. № 1.
5. *Некlessа А.И.* Конец эпохи Большого Модерна // Постиндустриальный мир и Россия. М., 2001.
6. *Ниринг С.* Свобода: обещание и угроза. Критика культа свободы. М., 1966.
7. Практика глобализации: игры и правила новой эпохи. М., 2000.
8. *Сеннетт Р.* Коррозия характера. Н., 2004.
9. Сумерки глобализации: Настольная книга антиглобалиста. М., 2004.
10. *Уткин А.* Глобализация: процесс и осмысление. М., 2001.
11. *Федотова В.Г.* Хорошее общество. М., 2005.
12. *Штомпка П.* Социальное изменение как травма // Социс. 2001. № 1.

REFERENCES

1. *Antonov A. I., Sorokin S. A.* Fate of the family in Russia of XXI century. M., 2000.
2. *Baranov A. B.* Socio-economic problems of depopulation and ageing of the population // Questions of economy. 2010. No. 7.
3. *Volkov Yu. G.* Modern economic neo-colonialism in the context of globalization // http://www.rusnauka.com/17_AVSN_2012/Economics/16_112478.doc.htm (address to the website November 20, 2015).
4. *Inozemtsev V. L.* Globalization: illusions and reality // Free thought. 2000. No. 1.
5. *Neklessa A.* End of Big Modern era // Post-industrial world and Russia. M., 2001.
6. *Niring S.* Freedom: promise and menace. Criticism of the cult of freedom. M., 1966.
7. The practice of globalization: games and rules of a new era. M., 2000.
8. *Sennett R.* Corrosion of character. N., 2004.
9. The twilight of globalization: a Handbook of anti-globalization. M., 2004.
10. *Utkin A.* Globalization: process and understanding. M., 2001.
11. *Fedotova V. G.* the Good society. M., 2005.
12. *Shtompka P.* Social change as trauma // Socis. 2001. No. 1.

16 февраля 2017 г.
